

IV.

Мы подошли къ факту духовной жизни Некрасова, въ исторіи развитія его нравственной личности сыгравшему не меньшую, если не большую, роль, чемъ любовь къ матери: такимъ фактомъ было - знакомство съ Белинскимъ...

Впервые великій критикъ обратилъ на нашего поэта вниманіе, какъ на автора некоторыхъ понравившихся ему рецензій,-- должно быть, еще въ 1842 году; но долгое время ихъ встречи а беседы были мимолетны и незначительны. Некрасовъ уже давно преклонялся передъ Белинскимъ, но природная замкнутость и застенчивость мешали ему сделать первый шагъ къ более тесному сближенію: онъ гляделъ на себя, какъ на скромнаго литературнаго работника, а Белинскій былъ въ это время уже въ апогее своей славы и въ "Отеч. Зап." занималъ место главнаго редактора.

Сближеніе началось, кажется, лишь съ осени 1844 г., когда Некрасовъ собиралъ матеріалъ для задуманнаго имъ въ то время литературнаго сборника "Физиологія Петербурга", для котораго и Белинскій, въ числе другихъ писателей, далъ статью "Петербургъ и Москва". Между прочимъ, Белинскаго сильно заинтересовалъ (еще въ рукописи) назначенный для этого сборника очеркъ самого Некрасова "Петербургскіе Углы", одинъ изъ лучшихъ прозаическихъ опытовъ поэта, посвященный жизни трущобныхъ обитателей и написанный въ духе и манере "натуральной школы". Интересъ былъ темъ сильнее, что до Белинскаго не могли не дойти слухи о лично пережитомъ Некрасовымъ періоде нищеты и голоданія, и въ "Петербургскихъ углахъ" онъ виделъ не столько художественное произведеніе, сколько глубоко выстраданную жизненную правду. "Съ этихъ поръ,-- рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Ив. Панаевъ,-- Некрасовъ съ каждымъ днемъ более сходилъ съ Белинскимъ, рассказывалъ ему свои горькія литературныя похождения, свои расчеты съ редакторами различныхъ журналовъ... Онъ произвелъ на Белинскаго съ самаго начала пріятное впечатленіе. Последній полюбилъ его за его резкій, несколько ожесточенный умъ, за те страданія, которыя онъ испыталъ такъ рано, добываясь куска насущнаго хлеба, и за тотъ смелый, практическій взглядъ не по летамъ, который онъ вынесъ 'Изъ своей труженической и страдальческой жизни - и которому Белянскій всегда мучительно заведовалъ... Ни въ комъ изъ своихъ пріятелей Белинскій не находилъ и малейшаго пракческаго элемента и, преувеличивая его въ Некрасове, смотрелъ на него съ какимъ-то особеннымъ уваженіемъ". Белинскій полагалъ, впрочемъ, что Некрасовъ навсегда останется лишь полезнымъ литературнымъ труженикомъ - не больше. Даже въ следующемъ (45 г.), когда Некрасовъ напечаталъ уже во II части "Физиологіи" свою сатиру въ стихахъ "Чиновникъ", Белинскій, осыпая ее въ печати похвалами, какъ "одно изъ техъ въ высшей степени удачныхъ произведеній, въ которыхъ мысль, поражающая своей верностью и дельностью, является въ совершенно соответствующей ей форме",-- ни однимъ еще словомъ не обмолвился о поэтическомъ таланте автора. И только позже, въ "Обзоре русской литературы за 1845 г.", онъ называетъ "Чиновника", "Соврем. Оду" и "Старушку" {Забытое въ настоящее время стихотвореніе.} "счастливыми вдохновеніями таланта"... Но, кажется, передъ этимъ Белинскій прочелъ уже въ рукописи стихотвореніе "Въ дороге", которое, по свидетельству Панаева, привело его въ полный восторгъ: "У Белинскаго засверкали глаза, онъ бросился къ Некрасову, обнялъ его и сказалъ чуть не со слезами на глазахъ: - Да знаете ли вы, что вы поэтъ - и поэтъ истинный?.."

Съ этого момента, а особенно после знаменитой "Родины", Белинскій начинаетъ возлагать на Некрасова, какъ на поэта, большія надежды, и отношенія его къ автору оригинальныхъ стихотвореній принимаютъ нежный, почти любовный оттенокъ...

Посмотримъ же, чемъ былъ Белинскій для Некрасова. "Онъ виделъ во мнѣ,-- вспоминалъ впоследствии самъ Поэтъ,-- богато одаренную натуру, которой недостаетъ развитія и образованія. И вотъ около этого-то держались его беседы со мною, имевшія для меня значеніе поученія". А какимъ обаяніемъ веяло на Некрасова отъ личности Белинскаго, видно хотя бы изъ разсказа Достоевскаго о его первомъ знакомствѣ съ Некрасовымъ по поводу "Бедныхъ Людей": "Въ полчаса мы Богъ знаетъ сколько переговорили, съ полслова понимая другъ друга, съ восклицаніями, торопясь; говорили и о поэзіи, и о Гоголе, цитируя изъ "Ревизора" и изъ "Мертвыхъ Душъ", но главное - о Белинскомъ. "Я ему сегодня же снесу вашу повесть, и вы увидите... Да ведь человекъ-то, человекъ-то какой! Вотъ вы познакомитесь, увидите, какая это

душа!" - восторженно говорил Некрасов, трясая меня за плечи обеими руками... - О знакомстве его с Белинским я мало знаю, но Белинский его угадал с самого начала и, может быть, сильно повлиял на настроение его поэзии. Не смотря на всю тогдашнюю молодость Некрасова и на разницу лет с ним, между ними, наверное, уж и тогда бывали такие минуты и уже сказаны были такие слова, которые влияют на век и связывают неразрывно". Или, вот, какой разговор Некрасова с Добролюбовым передает в своих воспоминаниях Панаева-Головачева: "Жаль, что вы сами не знали этого человека! Я с каждым годом все сильнее чувствую, как важна для меня потеря его. Я чаще стал видеть его во сне, и он живо рисуется перед моими глазами. Ясно припоминаю, как мы с ним вдвоем, часов до двух ночи, беседовали о литературе и о разных других предметах. После этого я всегда долго бродил по опустелым улицам в каком-то возбужденном настроении, столько было для меня нового в высказанных им мыслях... Вы вот вступили в литературу подготовленным, с твердыми принципами и ясными целями. А я?... Заняться своим образованием у меня не было времени, надо было думать о том, чтобы не умереть с голоду! Я попал в такой литературный кружок, в котором скорее можно было отупеть, чем развиться. Моя встреча с Белинским была для меня спасением... Чтобы ему пожить подольше! Я бы был не тем человеком, каким теперь!-- Некрасов произнес последнюю фразу дрожащим голосом, быстро встал и ушел в кабинет".

К воспоминаниям Панаевой во многих частностях позволительно относиться *sum magno grano salis*, но в данном случае показание ее несколько не стоит в противоречии с отзывами Некрасова о Белинском, рассеянными во многих местах его стихотворений и поэм ("Памяти приятеля" (1863 г.); "О погоде" (1869); "Ликует враг", (1866); "Медвежья Охота" (1867); "Кому на Руси жить хорошо" (1873); на напечатанное до сих пор в целом виде стихотворение "Белинский" ("В то время пусто и мертво в литературе нашей было"). - На смертном уже одре, Некрасов не раз вспоминает Белинского и записывает в своем дневнике от 16 июня 1877 г.: "Любимое стихотворение Белинского было -

В степи мирской, широкой и безбрежной...". Не станем цитировать всем известную, знаменитую тираду из "Медвежьей Охоты" обращенную в "многострадальной тени" великого "учителя", научившего русское общество "гуманно мыслить". Но есть у Некрасова еще одно произведение, в главном герое которого изображен, думается нам, также Белинский: это - Крот в И части "Несчастных". Если никто не замечает обыкновенно поразительного сходства этой фигуры с личностью Белинского, то, конечно, лишь благодаря Достоевскому, который пустил в обращение совсем иное толкование: "Однажды, в 63, кажется, году,-- рассказывает он в "Дневнике Писателя",-- отдавая мне томик своих стихов, Некрасов указал мне на одно стихотворение, "Несчастные", и внушительно сказал: я тут об вас думаю, когда писал это (т. е. об моей жизни в Сибири),-- это об вас написано". На этом основании и сложилось распространенное мнение, будто Крот Некрасова - Достоевский... Не, всматриваясь в этот образ пристальнее, легко убеждаешься, что это явное недоразумение! Сочиняя "Несчастных", поэт, несомненно, думал о горькой судьбе Достоевского, но это отнюдь не значит, что именно его разумел он под Кротом. Достоевский и Крот - совершенно противоположные характеры! Другое дело - Белинский...

Прежде всего - наружность последнего. Вот как описывает ее великий мастер такого рода описаний, Тургенев: "Это был человек среднего роста, на первый взгляд довольно некрасивый и даже нескладный, *худощавый, с впалой грудью и понурой головой*. Одна лопатка заметно выдавалась больше другой. Всякого, даже не медика, немедленно поражали в нем *все главные признаки чахотки*, весь так наз. *habitus* этой злой болезни... *Густые белокурые волосы падали клоком* на белый, прекрасный, хоть и низкий лоб. Я не видал глав более прелестных, чем у Белинского. *Голубые, с золотыми искорками в глубине зрачков*, эти глаза, в обычное время полузакрытые ресницами, *расширялись и сверкали в минуты одушевления*; в минуты веселости взгляд их принимал пленительное выражение приветливой доброты и безпечного счастья. *Голос у Белинского был слаб*, с хрипотой, но приятен; говорил он с особенными ударениями и *придыханиями*, "упорствуя, волнуясь и спеша"...

Не тот же ли это портрет, что и в поэме Некрасова:

Рука нетвердая въ труде,
Какъ спицы ноги, детскій голосъ
И, словно лень, пушистый волосъ
На голове и бороде.

.....
Корить, грозить! Дыханье трудно,
Лицо сурово, какъ гроза,
И какъ-то бешено и чудно
Блестятъ глубокіе глаза.

Подобно Белинскому, и Кроť погибаетъ отъ злой чахотки: "почти два года, изъ тюрьмы не выходя, онъ разрушался..." Это внешнія черты сходства, но внутреннія еще поразительнее.

Пусть речь его была сурова
И не блистала красотой,
Но обладалъ онъ тайной слова,
Доступнаго душе живой.

.....
Онъ насъ учить не тяготился,
Онъ съ нами братски поделился
Богатствомъ сердца своего!

.....
Не на коне, не за сохою
Провелъ онъ свой недолгій векъ
Въ труде ученья, но душою,
Какъ мы, былъ русскій человекъ.
Онъ не жалелъ, что мы не немцы,
Онъ говорилъ: "Во многомъ насъ
Опередили иноземцы,
Но мы догонимъ въ добрый часъ!
Лишь Богъ помогъ бы русской груди
Вздохнуть пошире, повольней... и т. д.

Ржеве это не Белинскій?.. Даже однимъ и темъ же выраженіемъ ("святое безпокойство") характеризуетъ Некрасовъ своего Крота въ "Несчастныхъ", какимъ въ "Медвежьей Охоте" - Белинскаго... Литературныя и историческія пристрастія обоихъ точно также одинаковы: вещья песни Кольцова, великія деянія великаго Петра, "отца Россіи новой"...

Онъ видель следъ руки Петровой
Въ основе cadaго добра.

Но особенно ярко бросается въ глаза сходство Крота съ Белинскимъ въ изображеніи его конца:

Но онъ надежде верилъ мало,
Едва бродя, едва дыша.
И только насъ бодрить хватало
Въ немъ силъ... Великая душа!
Его страданья были горды,
Онъ ихъ упорно подавлялъ,
Но иногда изнемогалъ
И плакалъ, плакалъ... Камни тверды,
Любой попробуй... Но огня
Добудешъ только изъ кремня!
Таковъ онъ былъ...
Въ день смерти съ ложа онъ воспрянулъ,
И снова силу обрела
Немая грудь - и голосъ грянулъ!
Мечтаньемъ чуднымъ окрылилъ

Его Господь передъ кончиной,
И онъ подъ небо воспарилъ
Въ красе и легкости орлиной.
Кричалъ онъ радостно: "Впередь!" -
И гордъ, и ясенъ, и доволенъ...
Ему мерещился народъ
И звонъ московскихъ колоколенъ;
Восторгомъ взоръ его сіяль,--
На площади, среди народа,
Ему казалось, онъ стоялъ
И говорилъ...

Ведь это вполне реальное, яркое изображение предсмертныхъ минутъ Белинского...

Однако, быть можетъ, опросятъ: что за странная фантазія пришла Некрасову въ голову - послать Белинского въ каторгу, изобразить на мрачномъ фоне клейменаго острожного міра, когда всемъ известно, что умеръ онъ у себя въ постели, въ Петербурге, окруженный близкими, женою и друзьями?.. Да; но известно также и другое: Достоевскій, арестованный одиннадцать месяцевъ спустя, осужденъ былъ въ каторгу, главнымъ образомъ, за чтеніе и распространеніе письма Белинского къ Гоголю... Следовательно, думать о великомъ покойномъ учителе Некрасову во время писанія "Несчастныхъ" представлялось, но всякомъ случае, не меньше поводовъ, чѣмъ о Достоевскомъ...

"Я находился въ такомъ литературномъ кружке, въ которомъ скорее можно было отупеть, чѣмъ развиться; встреча съ Белинскимъ была для меня спасеніемъ". Это признаніе поэта подтверждается, какъ данными его біографіи и свидетельствами современниковъ, такъ въ особенностяхъ и всемъ ходомъ и развитіемъ его поэтической деятельности. Гуманная школа Белинского наложила на мысль и душу поэта глубокой отпечатокъ. Къ 48 году (годъ смерти Белинского) окончательно определился тотъ действительный "демонъ" Некрасова, который всегда доминировалъ, какъ въ жизненной его деятельности, такъ и въ поэтическихъ настроеніяхъ. Можно сказать, что до встречи съ великимъ учителемъ онъ лишь инстинктомъ любилъ народъ, инстинктомъ стремился для него работать, какъ человекъ, самъ много страдавшій, и вынесшій, какъ человекъ, превосходно изучившій и сумевшій понять душу народную со всеми ея теновыми и светлыми сторонами; но интеллектуальную формулу этой любви и толчокъ къ активной работе во имя ея Некрасовъ получилъ, несомненно, отъ Белинского. Идеи великаго критика упали на богатую почву высокоодаренной натуры поэта, обладавшаго - преимущественно передъ всеми членами кружка - глубокимъ знаніемъ и пониманіемъ народной жизни, и дали роскошный плодъ въ виде не одной только поэзіи Некрасова: въ журнальной его деятельности, сыгравшей, по мненію критики, ничуть не меньшую роль въ исторіи русской интеллигенціи, чѣмъ его стихи, точно также явственно виденъ могучій духъ Белинского...

Къ сожаленію,-- потому ли, что благотворное вліяніе пришло довольно поздно и оборвалось слишкомъ рано, потому ли, что сложная природа Некрасова не поддавалась одной какой-либо определенной окраске,-- онъ навсегда остался во власти глубокихъ противоречій, отъ которыхъ самъ, разумеется, прежде всего и больше всего страдалъ.

На мне года гнетущихъ впечатленій
Оставили неизгладимый следъ...

Идеалистъ, преданный, какъ никто другой, делу служенія, родине и народу,-- онъ оставался всю жизнь рабомъ среды и привычки, любилъ жизнь ради самой жизни и дорожилъ ея "минутными благами". Конечно, и во времена Некрасова встречались рыцари безъ страха и упрека, подобные Белинскому или позже, Добролюбову, но это были люди - въ подлинномъ смысле слова "не отъ міра сего", съ юныхъ летъ порвавшіе съ грубой матеріальной "существенностью" и витавшіе въ светлой области идеала. Изъ всехъ сверстниковъ своихъ и соратниковъ Некрасовъ по преимуществу былъ человекомъ живой действительности и меньше, чѣмъ кого другого, его можно разсматривать и судить вне, такъ сказать, времени и пространства. "Мы выросли въ ежовыхъ рукавицахъ", выразился Г. З. Елисеевъ о своемъ и

некрасовскомъ поколеніи, и сыновьямъ позднейшей эпохи грешно было бы не принять въ расчетъ этого обстоятельства при оценке работы своихъ предшественниковъ. Крепостное право бросало свою мрачную тень на все решительно явленія дореформенной жизни; въ душевной атмосфере вѣчнаго страха, унынія и рабской подавленности росли, жили и действовали цѣлыя поколенія.

Недолгая насъ буря укрепляетъ,
Хоть ею мы мгновенно смущены,
Но долгая навеки поселяетъ
Въ душе привычки робкой тишины!..

Геройство всегда было и будетъ завидной долей лишь отдельныхъ единицъ. Некрасовъ не могъ претендовать, да никогда и не претендовалъ на титулъ героя: напротивъ, онъ всегда усиленно казнилъ* себя за душевную дряблость, усиленно подчеркивалъ недостатки свои, какъ гражданина.

Народъ! народъ! Мне не дано геройства
Служить тебе,-- плохой я гражданинъ.

Повинную голову и мечъ не сечетъ... На голову же Некрасова сыпались и до сихъ поръ продолжаютъ сыпаться безконечныя обвиненія, вплоть до довольно-таки курьезныхъ. Онъ жилъ приблизительно такъ же, въ той же обстановке и съ теми же барскими замашками, какъ и очень многіе изъ его товарищей по профессіи, и къ Тургеневу, напримеръ, никто не предъявляетъ обвиненія въ томъ, что онъ любилъ комфортъ, не тачалъ самъ себе сапоговъ и не ходилъ за сохою, какъ Левъ Толстой. Но то, что прощается большинству, Некрасову, оплакивавшему народную нищету и горе, вменяется чуть не въ преступленіе... "Есть неумолимые, которые не прощаютъ и непременно желаютъ *развенчать* Некрасова. Должно быть, ихъ собственная совесть чиста, какъ зеркало, въ которое они могутъ спокойно любоваться на свои добродетели и гражданскіе подвиги. Должно быть, ихъ головы увенчаны безспорными лаврами" (Н. К. Михайловскій, "Литературныя воспоминанія", т. I) {Отметимъ кстати и другую статью Н. К. Михайловскаго, посвященную Некрасову, но, къ сожаленію, не вошедшую пока въ собраніе его сочиненій. "Р. Б." 1998 г., No 1.}. Не вступая съ подобными господами въ споръ, отошлемъ читателя къ статьѣ, изъ которой взята только что приведенная цитата: более глубокаго и тонкаго проникновенія въ сложную природу души Некрасова въ русской литературѣ нѣтъ. Намъ хотелось бы только прибавить кое-что по поводу "темы, которая четверть века назадъ (а теперь уже 36 лѣтъ назадъ. П. Г.) пала на личность поэта и затуманила ее въ глазахъ самыхъ горячихъ поклонниковъ".

Дело происходило, какъ известно, въ 1866 году, когда надъ "Современникомъ" и даже,-- думалось тогда многимъ,-- надъ всей русской литературой нависла грозная туча. Людямъ нашего поколенія трудно и представить себе ту мрачную пелену паническаго страха, которая, по единогласному свидѣтельству современниковъ, окутала въ те дни самую не робкія сердца и недюжинные умы; "Sauve qui peut" - было общимъ крикомъ... Къ сожаленію, многія любопытныя и поучительныя подробности техъ событій еще не могутъ быть рассказаны, и мы прочтемъ ихъ когда-нибудь на страницахъ "Русской Старины". Въ этотъ-то моментъ всеобщей растерянности и заботы о спасеніи дрогнулъ и Некрасовъ,-- и рука его "исторгла у лиры неверный звукъ"... Но первый пароксизмъ испуга прошелъ, опасность миновала, оказавшись не столь грозной, какъ ее рисовало напуганное воображеніе, и поэту пришлось испытать по капле всю горькую чашу - злорадства враговъ, упрековъ друзей и собственной совести...

И вы, и вы отпрянули въ смущеніи,
Стоявшіе безсменно предо-мною,
Великія страдальческія тени,
О чьей судьбе такъ горько я рыдалъ,
На чьихъ гробахъ я преклонялъ колени
И клятвы мести грозно повторялъ.

Неизвестно въ точности, какое впечатленіе произвело комплиментарное обеденное стихотвореніе на самого графа Муравьева: рассказывали, будто онъ отвернулся отъ поэта...

Вообще, если Некрасов разсчитывал отвести грозу, главным образом, от своего "Современника, то он горько ошибся: журнал был вскоре закрыт. Однако, вот что писал по этому поводу Г. З. Елисеев {Записка эта, хранящаяся у Н. К. Михайловского, имеет форму ответа во письмо некоего Х. (горячего когда-то поклонника поэта), полное горьких и даже жестоких упреков за "неверный звук лиры". Письмо было получено Елисеевым (или, быть может, самим Некрасовым) с далекого востока еще в начале 70-х годов, ответ же Елисеева писан долго спустя после смерти Х., вероятно, уже в конце 80-х годов.}:

"Нам понятно то глубокое негодование, которое кипело в груди автора каждый раз при мысли, что Некрасов говорил в клубе стихи в честь М., в которых призывал карающую руку... Понятно потому, что, быть может, первые чувства гражданской доблести в Х. были пробуждены и воспитаны музой Некрасова, и вот теперь... он слышит от этой самой музыки вместо утешения и благословения проклятие! Тем не менее, такое отношение автора к Некрасову мы признаем крайне несправедливым и жестоким. Известно, что в том мраке... ни одна публичная мысль, ни одно публичное слово, а тем более дело не могли явиться без компромиссов. А у Некрасова на руках было большое публичное дело, дело расширения и упрочения за прессою свободного слова, с целью дать возможно широкое распространение в обществе новой идее. Из всех писателей 40-х годов Некрасов один с самого первого появления этой идеи предался ей вполне и сделался неизменным ее носителем и служителем и остался таким до конца жизни. На это посвятил он весь свой громадный талант, действуя как поэт и как журналист. Теперь даже (трудно) определить, чем он более принес пользы: своими ли поэтическими произведениями, или своей журнальной деятельностью. В то время, когда стихи его разсеивали всюду "святое недовольство" и возбуждали в молодых умах горячие порывы к обновлению, журнал указывал источники зла и те пути, которыми нужно было идти для его истребления,-- и где, и в чем искать нового дела; около журнала группировались верные борцы за новую идею, делавшие всегда первые смелые шаги вперед. Недаром "Современник" сделался любимейшим журналом публики и в особенности молодежи; недаром ни на один журнал не сыпалось столько обвинений и тайных доносов со стороны ретроградов и столько гонений и притеснений со стороны цензуры, как на "Современник". С назначением Муравьева все ставилось на карту. Перед чем мог остановиться, чего не мог сделать этот человек, который иногда осмеливался не являться во дворец, не смотря на неоднократные требования, отзываясь делами и недосугом? {По другим сведениям, император Александр II не любил Муравьева, и, благодаря этому, последний не мог дать полную волю своим реакционным стремлениям. П. Г.} И вот, для умилования этого, человека, способного и готового уничтожить всю новую литературу и остановить движение новой идеи на несколько десятков лет, Некрасов принес в жертву свое самолюбие, написав в его честь и прочитав публично в клубе стихотворение. Говорят: Некрасов все-таки не спас этим "Современника"... Но те, которые говорят так, забывают, что дело шло не о спасении одного "Современника", а о сохранении возможности существования новой идеи, о предупреждении гонения на литературу, как на литературу только... Законность и необходимость принесенной Некрасовым жертвы, наверное, будет выяснена для всех историей нашего времени. К сожалению, Некрасов был не настолько велик, чтобы, сознавая необходимость своего поступка, оставаться равнодушным к близоруким толкам современной толпы о своем поступке. Толки эти мучили его всю жизнь. Всем известно написанное им в 1866 году прекрасное стихотворение "Ликует враг, молчит в недоумении вчерашний друг, качая головой", где он изображает себя оттолкнутым от всех, в кому лежали его симпатии, и попавшим через свое (клубное) стихотворение в дружбу к толпе *безличных*, которые "спешат в объятья к новому рабу и пригвозждают жирным поцелуем несчастного к позорному столбу". Сокрушение о своем поступке Некрасов высказывал и впоследствии в нескольких стихотворениях и лично говорил о нем всем симпатизирующим ему лицам, стараясь оправдать его или объяснить необходимостью тогдашних обстоятельств. Даже перед смертью, мучимый страшной болезнью, едва дышавший и говоривший, он не переставал приносить покаяние... Так давила и мучила его жертва, принесенная им в пользу своего великого дела.

"Но что руководило Некрасовым при его поступке: мысль о деле, которому он служил, или о тех личных выгодах, которые были сопряжены с этим делом? И если последнее, то не заслуживает ли его поступок справедливого порицания, и не были ли те страдания, которые он испытал за него, вполне заслуженной карой? На этот вопрос можно отвечать

другимъ вопросомъ. Могъ ли бы Некрасовъ иметь столько враговъ, сколько онъ ихъ имель, если бы сталъ петь другія песни и служить другому, противоположному делу? Наглядное, блистательное доказательство того, какъ перемена идейнаго фронта можетъ обогатить и возвеличить даже и не такого талантливаго, какъ Некрасовъ, но бойкаго и ловкаго литератора, каждый можетъ видеть на примере Суворина. Этотъ робкій чижъ скромно чирикаль свои либеральные фельетоны у Корша, завидуя славе и блеску такого сокола-соловья, какъ Катковъ. Но вдругъ у него родилось желаніе направить свое чириканье во славу (сильныхъ и сытыхъ міра сего). Онъ попробоваль - и на него полились деньги и слава. Онъ теперь признанъ политическимъ мудрецомъ...

"Чего же бы, какихъ почестей и какого богатства не достигъ Некрасовъ, при его громадномъ уме и таланте, если бы захотель хотя бы несколько умерить свое направленіе? Но онъ не пошелъ этой дорогой. А не пошелъ потому, что не могъ петь фальшиво; это не былъ скворецъ, наученный петь по-соловьиному, или чижики, робко чирикающій ходячія песенки, а - действительный. соловей, который могъ петь только своимъ голосомъ и петь то, что хватало его за живое. Талантъ Некрасова былъ вполне самобытный, соединенный съ замечательною силою и крепостью ума. Некрасовъ нигде почти не воспитывался - онъ не окончилъ курса даже въ гимназіи, -- не могъ читать ни на одномъ иностранномъ языке, а между темъ критическій умъ его былъ такъ силенъ, что никто лучше его не могъ оценить значенія каждой новой мысли, являвшейся въ литературе по наукамъ социальнымъ; при этомъ равно тонко было и его эстетическое чутье, такъ что можно смело сказать, что онъ былъ лучшимъ критикомъ для всехъ статей, которыя помещались въ его журнале. Это самое критическое чутье давало ему возможность замечать каждое выдающееся дарованіе, появлявшееся въ другихъ журналахъ, и вербовать его въ сотрудники своего изданія, что онъ и делалъ. Но еще более верно это критическое чутье руководило имъ въ области явленій міра политическаго. Вспомнимъ, что при самомъ первомъ появленіи новыхъ веяній, почувствовавшихся въ обществе вскоре после Крымской войны, Некрасовъ тотчасъ поняль новое положеніе вещей, круто порваль съ своими сверстниками - литературными деятелями 40-хъ годовъ, набралъ себе новыхъ сотрудниковъ по журналу и сталъ во главе новаго литературнаго движенія. До какой степени это характеризуетъ не только тонкость критическаго чутья Некрасова, но и симпатію его къ новой идее, это мы можемъ видеть изъ примера многихъ его современниковъ, какъ-то: Писемскаго, Достоевскаго, самого Тургенева, который, не смотря на свою замечательную чуткость во всемъ новымъ веяніямъ, безтактно выступилъ, въ то время на борьбу съ новой идеей въ своихъ "Отцахъ и Детяхъ". Все это показываетъ, насколько былъ проницателенъ и твердъ умъ Некрасова въ распознаваніи и оценке проходящихъ передъ Кимъ явленій и веяній политическаго міра. Онъ ясно понималъ ветошь и ничтожность дореформеннаго строя, видела невозможность его долгаго существованія и не могъ не быть борцомъ за новую идею. Только во имя ея онъ могъ слагать свои песни, только ея дело онъ могъ нести такъ усердно всю жизнь, какъ онъ его несъ. Правда, онъ не былъ теоретикомъ, у него не было предвзятаго определеннаго міросозерцанія, но онъ, наверное, пошелъ бы за новою идеею до техъ поръ, пока она не создала бы лучшаго строя жизни, возможнаго для разумнаго человеческого существованія. Говоря все это, мы, однако же, никакъ не думаемъ возводить Некрасова въ герои въ томъ смысле, какъ обыкновенно понимаютъ это слово {Все дальнейшее, кроне двухъ-трехъ заключительныхъ фразъ, было уже цитировано Н. К. Михайловскихъ въ его статье о Некрасове.}. Некрасовъ не пошелъ бы на смерть, ни на страданія за дело новой идеи, которое онъ несъ на себе; мы не должны забывать, что онъ воспитанъ былъ въ ежевыхъ рукавицахъ дореформенной эпохи. Это былъ, если угодно, герой, но герой-рабъ, который поставилъ себе целью добиться во что бы то ни стало свободы, упорно преследуетъ эту цель, -- по временамъ, применяясь въ обстоятельствамъ, делаетъ уступки, но на своемъ главномъ пути постоянно держать ее въ уме; понимаетъ, что такимъ только образомъ онъ можетъ ея добиться, а, кроме того, понимаетъ, что въ той среде, которая его окружаетъ, не найдется такихъ людей, какъ онъ; хотя, быть можетъ, есть не мало лицъ изъ тронутыхъ новой идеей, которыя гораздо выше, т. е. самоотверженнее и чище, лицъ, которыя готовы пожертвовать за нее жизнью, но не найдется такихъ героев-рабовъ, которые бы такъ упорно шли въ теченіе десятковъ летъ, шагъ за шагомъ, по тому тернистому пути, по которому идетъ онъ, подвергаясь изо дня въ день равнымъ мелкимъ мученіямъ и перенося сделки со своей совестью. Герой-рабъ могъ признаваться, что его рука иногда у "лиры звукъ неверный исторгала", что, "жизнь любя, въ ея минутнымъ благамъ прикованъ онъ привычкой и средой", что онъ "въ цели шель колеблющимся шагомъ и для нея не жертвоваль собой". Но действительный герой не могъ действовать въ то время на журнальномъ поприще. Мы, однако, не должны забывать, что

каждый герой должен оцениваться по условиям времени и целям. Для каждого времени является свой *муж потребень*. Герой тот, кто понял условия битвы и выиграл победу. Хорош и тот герой, который умирает за свое дело, так сказать, мгновенно, всецело, публично, запечатлевая перед всеми свою смертью свои убеждения; хорош и другого рода герой, герой-раб, который умирает за свое дело в течение десятков лет, умирает, так сказать, по частям, медленной смертью в ежедневных мелких попытках от внешних мелких гонений и стеснений, от сделок с своей совестью, умирает никем не признанный в своем героизме и даже под общим тяжелым обвинением или подозрением от толпы в измене делу. По условиям нашей жизни у нас мог выработаться в литературе только герой-раб. Скажем более: только такой герой и мог вынести дело новой идеи при первом ее появлении и утверждении в обществе... Покойный Х. не понял, что герой-раб позволил своей руке "у лиры звук неверный исторгнуть" единственно для того, чтобы урвать и сделать менее тернистым путь для героев иного типа, героев будущего".

Для людей нынешнего поколения, выросших в совсем иной общественной атмосфере, покажутся, наверное, странными некоторые из мыслей Елисеева. Но ведь он сам же и оговорился, что рисует образ хотя и героя, но - "героя-раба"... Отлично, разумеется, понимал Елисеев все нравственное превосходство героя - свободного человека; но было бы несправедливо отрицать своеобразное "величие" в той спокойной твердости, с которой он громко признается: "да, наше поколение шло рабьей дорогой к своей великой цели, потому что иной дороги мы не видели",

И Елисеев, этот "аскет текущей жизни и непосредственных практических результатов" (как определяет его Н. Е. Михайловский), человек с исключительной идейной и душевной цельностью, был вполне последователен в применении своих теоретических взглядов в жизни. Оставляя в стороне оценку этих взглядов самих по себе, мы хотели бы только выяснить вопрос о том, насколько нарисованный Елисеевым образ "героя-раба" действительно подходил к Некрасову. Было ли, точно, сознательным жертвоприношением поведение его в 1866 году? Н. К. Михайловский, говоря о записке Елисеева, осторожно замечает: "Я не иду так далеко, я думаю, что Некрасов тогда просто растерялся, испуганный надвигающейся грозой, тем более страшной, что неизвестно было, как и куда она направит свои удары. Испугался он, может быть, частью за журнал, но главным образом, я думаю, за "ебя лично".

В свою очередь не решаясь идти "так далеко", мы думаем только, что для самого Некрасова в момент опасности могли быть не вполне ясны руководившие им мотивы. Во всяком случае, апология поэта, написанная Елисеевым, кажется нам чрезвычайно важной не по одним лишь крайне интересным подробностям, но и по существу, как голос не адвоката только, но и свидетеля, человека, который сам, подобно Некрасову (хотя и в значительной меньшей степени) "прошел через цензуру незабываемых годов". Из всех сотрудников и единомышленников Некрасова Елисеев, который и родился даже в одном с ним 1821 году, был, конечно, наиболее похож на него по тесному, кровному соприкосновению с живой жизнью, так что, выслушивая Елисеева, мы выслушиваем отчасти как-бы самого поэта... Упомянув о предсмертных попытках Некрасова высказаться, Н. К. Михайловский особенно подчеркивает то обстоятельство, что оправдательно-покаянные речи поэта имели "затрудненный" характер, -- как-будто он "не мог ни другим рассказать, ни самому себе уяснить ту смесь добра и зла", из которой состояла его жизнь и деятельность. Но не могла ли зависеть эта "затрудненность" отчасти и оттого, что Некрасов своим тонким, пронзительным чутьем угадывал огромное психическое различие между собою и младшими своими сотрудниками? Не боялся ли он, что при всем уважении и любви к нему людей младшего поколения, в некоторых вещах о нем никогда с ним не столкнутся и не поймут его, а если и поймут, то не посочувствуют? Этот страх и мог сковывать его язык, холодить душу. С Елисеевым он чувствовал себя, вероятно, проще и высказывался прямее...

Но, имея так много общего друг с другом, эти два человека в некоторых отношениях были глубоко различны. Елисеев рисует нам натурой дельной, как бы высеченной из одного куска. Н. К. Михайловский характеризует его так: "Демократизм Елисеева был не делом только принципов и убеждений, а самих инстинктов"; он был

"какъ бы самъ народъ, собственными усиліями пробившійся Къ свету и достигшій- верховъ самосознанія"; онъ "проще и непосредственнее относился поэтому къ народу" ("Литер. воспом. и соврем. смута", т. I). Некрасовъ, при всей глубине и искренности своей любви къ народу, при всемъ несравненномъ знаніи народной жизни и психики, лишень былъ такой непосредственности. Елисеевъ всегда чувствовалъ себя равноправнымъ членомъ того народа, для котораго всю жизнь работалъ; Некрасовъ никогда, въ сущности, не переставалъ чувствовать себя бариномъ-интеллигентомъ, находящимся въ неоплатномъ долгу передъ народомъ...

Эта черта, которую Успенскій назвалъ "больной совестью", более приближала Некрасова къ поколенію младшему, нежели старшему. Герой-рабъ, не чуждый порой самой трезвой и даже черствой положительности, умелъ въ то же время до страсти, до злобы ненавидеть эту свою положительность, и более "тяжкой работы совести", чемъ его скорбно-покаянныя песни, вплоть до 70-хъ годовъ русская литература не знала. Въ глазахъ юныхъ современниковъ Некрасова покаянная нота его поэзіи была не недостаткомъ "величія" въ характере поэта, а, напротивъ, лучшимъ правомъ его на безсмертіе. Къ сожаленію, выяснить все огромное значеніе "музы мести и печали" для самой жизни русской сможетъ лишь более или менее отдаленная исторія; она же произнесетъ и окончательный приговоръ Некрасову, какъ человеку и гражданину.